

Представление о творческом наследии Зинаиды Серебряковой в значительной степени расширит книга историка Ирины Евгеньевны Иванченко «У памяти в плену» (Нарва, 2017), изобилующая первыми публикациями материалов — писем, фотографий, документов, художественных произведений. Все они, включая 18 ранее неизвестных работ Зинаиды Серебряковой, обнаружены в семейных архивах разветвленного клана Зеленковых — Случевских — Лансере — Лазаревых — Плетнер — Хованских — Якубовичей, с которыми много лет работала автор. Ее подвижнический труд нашел отклик и поддержку друзей — Вячеслава Николаевича и Любви Павлиновны Стекловых, осуществивших издание книги. Она вышла тиражом 100 экземпляров и сразу стала библиографической редкостью. Признательны ведущему научному сотруднику Дома русского зарубежья Виктору Владимировичу Леонидову, который передал в редакцию это уникальное издание. Предлагаем познакомиться с одной из глав — «Нескучный мир семьи Лансере — Серебряковых», рассказывающей о жизни в русской усадьбе, во многом способствовавшей творческому вдохновению ее обитателей.

НЕСКУЧНЫЙ МИР СЕМЬИ ЛАНСЕРЕ — СЕРЕБРЯКОВЫХ

Ирина Иванченко

Е.А. Лансере. Казак в степи. 1870-е гг. Бронза. Высота 51 см. Государственная Третьяковская галерея. Москва

*З.Е. Серебрякова.
Владимир Зеленков
и Екатерина Николаевна
Лансере за фортепиано
в домашнем концерте.
Нескучное. 1907.
Бумага, гуашь,
графитный карандаш.
21x23. Архив семьи
Зеленковых. Санкт-
Петербург*

Имение Нескучное было построено еще Евгением Александровичем Лансере, талантливым скульптором, влюбленным в мир лошадей и мягкий климат Малороссии. И хотя он по своим национальным корням – француз, Евгений Александрович, тем не менее, являлся носителем «пламенного русского национализма», о котором с мягкой иронией пишет А.Н. Бенуа в книге «Мои воспоминания». Он отмечает не только блестящее мастерство Лансере-наездника, дававшее возможность даже в последние месяцы жизни сравнивать его с «черкесами», но и бесконечную привязанность к русской деревне, и особенно к принадлежавшему ему небольшому имению Нескучное¹. <...>

Евгений Александрович получил высокое признание современников и в России, и за рубежом. Но ранняя смерть, он умер от туберкулеза в возрасте 37 лет, прервала его творческий путь. Екатерина Николаевна осталась вдовой с шестью детьми на руках. Она переезжает из Нескучного в дом, где родилась и выросла, в дом семьи Бенуа, что на Екатерингофском проспек-

те в Петербурге. А летом вся семья снова собирается в Нескучное. Нескучное, с его незатейливым пейзажем, его селами и хуторами, разбросанными вокруг, любили все дети Екатерины Николаевны. Но в Нескучном занимались не только живописью.

Екатерина Николаевна Лансере писала из Нескучного в 1907 году: «Устраивает Володя Зеленков место для лаун-тенниса и большая надежда, что Колюша приедет и Лёлочка. Выписываем пианино, виолончель уже здесь, и будем устраивать музыкальные вечера»².

Домашние концерты – это естественная часть жизни Нескучного. В этой жизни участвовали все взрослые. Аристотель утверждал, что музыкой можно влиять на развитие души и личности. Он прав. Чарующие звуки музыки, которые раздавались ежедневно в уютной гостиной Нескучного, входили в душу каждого, никого не оставляя равнодушным. Все эти трио, квартеты, дуэты, звучащие по вечерам, стали духовной потребностью всех обитателей имения.

Владимир Александрович Зеленков³, был музыкантом от Бога. Он виртуозно играл с листа на виолончели. Виолончель буквально рыдала в его руках, и слушать его можно было бесконечно. Владимир Александрович участвовал во всех домашних концертах, как в Нескучном, так и в доме Бенуа в Петербурге, что на Екатерингофском проспекте. Екатерина Евгеньевна очень любила домашние концерты и была всегда рядом с мужем и детьми. Дети в доме Зеленковых приобщались к музыке в полном смысле слова с пеленок. Став уже взрослыми, они все обладали необычайной музыкальностью, нигде не обучаясь, прекрасно играли на фортепиано. И это была несомненная заслуга родителей.

Забота о детях и муже поглощала у Екатерины Евгеньевны большую часть времени. И все же у нее хватало времени на любимое занятие – рисование. Больше всего она любила рисовать пером разные кустарники и цветы. А владение пером требовало не только совершенной техники, но и большого усердия. И этими качествами Екатерина Евгеньевна обладала в полной мере. А Владимир Александрович, несмотря на все хозяйственные заботы, находил время для занятий музыкой. Музыка и чтение были частью его души, его внутреннего мира.

Очаровательная женская красота Кати Зеленковой послужила натурой для картины Зинаиды Серебряковой в образе купаль-

*З.Е. Серебрякова.
Нескучное.
Бумага, гуашь.
30x25. Архив семьи
Зеленковых.
Санкт-Петербург*

З.Е. Серебрякова.
Купальщица. 1911.
Холст, масло. 98x89.
© Государственный
Русский музей.
Санкт-Петербург

щицы. Но, как и все искусство в эту эпоху, «Купальщица» не конкретный образ Екатерины Евгеньевны, а скорее символический. Опираясь на искусство античности и эпохи Возрождения с их культом прекрасного человека, Зинаида Евгеньевна стремилась отобразить вечные эстетические ценности. Ей удалось создать жизненное и одновременно романтическое изображение молодой женщины. Теплые краски передают полнокровность тела модели, которое четко выделяется на фоне холодных оттенков травы и неба. Женщина кажется словно светящейся изнутри. Все на картине приведено в движение: бегущие облака, склоняющаяся под ветром трава, развевающиеся волосы купальщицы. В «Купальщице» передана сияющая радость обнаженного женского тела – Вечной Женственности.

Поэт Вячеслав Иванов писал под воздействием картины Серебряковой «Купальщица»:

Вы, чей резец, палитра, лира,
Согласных Муз одна семья.
Вы нас уводите из мира
В соседство инобытия.

И чем зеркальной отражает
Кристалл искусства лик земной,
Тем явственней нас поражает
В нем жизнь иная, свет иной.

И про себя даемся диву,
Что не приметили досель,
Как ветерок ласкает ниву,
И зелена под снегом ель.

Как оказался прав поэт, когда писал: «Вы нас уводите от мира...», ведь это взгляд на картину почти через полвека после ее создания. «Купальщица» оказалась подлинным шедевром молодой художницы.

Сестры были очень дружны, и Катя часто позирует сестре по несколько часов кряду. Она послужила для любимой Зиной моделью многих ее этюдов и полотен. В семейном архиве есть акварельные наброски Кати Зеленковой и ее детей, сделанные Зинаидой Евгеньевной. Вот Катя за столом. А вот в саду за чтением книги. Катя была терпелива и позировала столько, сколько нужно было сестре по времени.

Е.Е. Зеленкова. Маслина. 1905.
Бумага, тушь, перо, акварель.
22x16,5. Архив семьи Зеленковых.
Санкт-Петербург

Е.Е. Зеленкова. Лиловый ирис.
1919. Бумага, тушь, перо, акварель.
21x15. Архив семьи Зеленковых.
Санкт-Петербург

Зинаида Серебрякова была одержима работой, она могла рисовать без конца, а если не выдавалось такого случая, то на нее нападало уныние. Из письма Екатерины Николаевны Лансере к Николаю Евгеньевичу: «Зина мается без работы, только два часа ежедневно рисует Катю, а то и не знает, за что приняться»⁴.

Живопись составляла основу жизни Зинаиды Серебряковой, особенно в период пребывания в Нескучном. И чтобы она ни писала: портреты, жанровые сцены, местных жителей, обнаженную натуру – с ее полотном потоком струился свет. Это был свет ее души.

Оказавшись после революции во Франции, Зинаида Серебрякова писала много. Работы были красочны, колоритны, техничны, но того света, что освещал полотно, написанные в Нескучном, не было. В Нескучном осталась ее душа. В Париже в художественном багаже была техника и высочайший профессионализм.

Почему так случилось? Куда ушел этот свет с полотен художницы? Наверное, остался там, в Нескучном, под сенью вишневых деревьев, в аллеях парка и милом,

З.Е. Серебрякова. Портрет Анны Ахматовой. 1922. Бумага, пастель, уголь, сангина. 45,5x36. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Санкт-Петербург

зами дети и юные женщины, благородные лица мужчин, сочные вспаханные поля и крестьяне... и во всем, что исходило из-под кисти Зинаиды Евгеньевны, струился радостный и благодный свет земного Бытия.

Иногда Зина уходила на этюды очень рано, едва забрезжит рассвет и появлялись первые лучи солнца, а возвращалась поздно, только к ужину, с целой папкой этюдов и эскизов.

Нескучное для семьи Лансере – Зеленковых было в то время землей обетованной, и протекала в нем милая патриархальная жизнь, сложившаяся столетиями, такая же, как в стихотворении Анны Ахматовой:

Течет река неспешно по долине,
Многооконный на пригорке дом.
А мы живем, как при Екатерине:
Молебны служим, урожая ждем.
Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне на лестнице крутой.

гостеприимном доме Лансере – Серебряковых...

Как, когда и какими неведомыми путями являются миру таланты? На этот вопрос нет однозначного ответа. Но генетическая наследственность, воспитание, атмосфера семьи и природа, несомненно, благоприятствуют их рождению.

По-видимому, воздух и почва Нескучного готовы были к появлению на свет Зинаиды Евгеньевны Серебряковой. С самого раннего детства будущая художница росла среди природы, с темными звездными ночами, жаркими безоблачными и безветренными днями, белеющими хатами селян с их мягким южным говором, протяжными, мелодичными песнями, полями спелой ржи...

Нескучное стало для Зинаиды Евгеньевны земным раем, *Genius loci*, обителью вдохновения, здесь она обрела любовь, первую и последнюю на всю свою жизнь. Здесь родились ее дети, в Нескучном она стала художницей. Художницей, завораживающей зрителя. С ее полотном смотрели миндалевидными гла-

З.Е. Лансере (Серебрякова). Фотография. 1897. Архив семьи Зеленковых. Санкт-Петербург

З.Е. Лансере (Серебрякова). На побережье. 1896. Бумага, тушь, перо, кисть. 15x11,5. Архив семьи Зеленковых. Санкт-Петербург

Летом в имении собиралась вся семья Лансере и «лансерят». И какой жизнерадостной, гармоничной жизнью жили они. По утрам завтрак в саду за столом под вишнями, за который садилось не менее десяти человек, разговоры о живописи, музыки, розыгрыши, шутки, стихи...

Потом занятия живописью, прогулки по окрестностям, кто-то писал стихи, кто-то музицировал, кто-то играл в крокет или лаун-теннис, а на Владимире Александровиче лежали все заботы о хозяйстве. Тут ему не было равных, впрочем, как и в музыке, и в написании шуточных экспромтов, которые рождались у него ежеминутно по любому поводу.

По вечерам снова ужин в саду, звездное небо над головой, благоуханье полевых трав и далекие песни поселян. А когда совсем стемнеет, все собирались в гостиной, где каждый вечер звучала музыка. <...>

Позже Зинаида Евгеньевна знакомится с Анной Андреевной Ахматовой. Серебрякова, увидев Ахматову, воскликнула: «Анна, как вы похожи на меня!»

На основании слов Зинаиды Евгеньевны некоторые искусствоведы считают, что художница написала... автопортрет, который подписала – «Портрет А.А. Ахматовой. 1922».

Но все же это была не Зинаида Серебрякова, а Анна Андреевна, такой, какой ее увидела и почувствовала художница. Она внесла в этот портрет Ахматовой свое представление о внутреннем мире Анны Андреевны, поэтому он оказался самым теплым, нежным, искренним, ведь на других портретах Ахматова – недоступна.

Ах, Нескучное, милое Нескучное! Как же точно оно оправдывало свое название в те годы. Каких только затей ни придумывалось здесь в тихие благословенные вечера.

Часто устраивали импровизированные спектакли, в которых были задействованы все участники этого стихийного действия. Мужчины готовили сцену, «актеры» повторяли свои роли. После вечернего чая начинался спектакль. А потом звучали романсы, кто-то под тихие переборы гитары напевал любимые мелодии. Расходились за полночь и засыпали мгновенно, переполненные впечатлениями проведенного дня.

В своих воспоминаниях Александр Николаевич Бенуа писал о Нескучном: «Ряды невысоких холмов тянулись один за другим, все более растворяясь и голубея, а по круглым их склонам желтели и зеленели луга и поля; местами же выделялись небольшие, сочные купы деревьев, среди которых ярко белели хаты с их приветливыми квадратными оконцами. Своеобразную живописность придавали всюду торчавшие по холмам ветряные мельницы. Все это дышало благодатью...»⁵. <...>

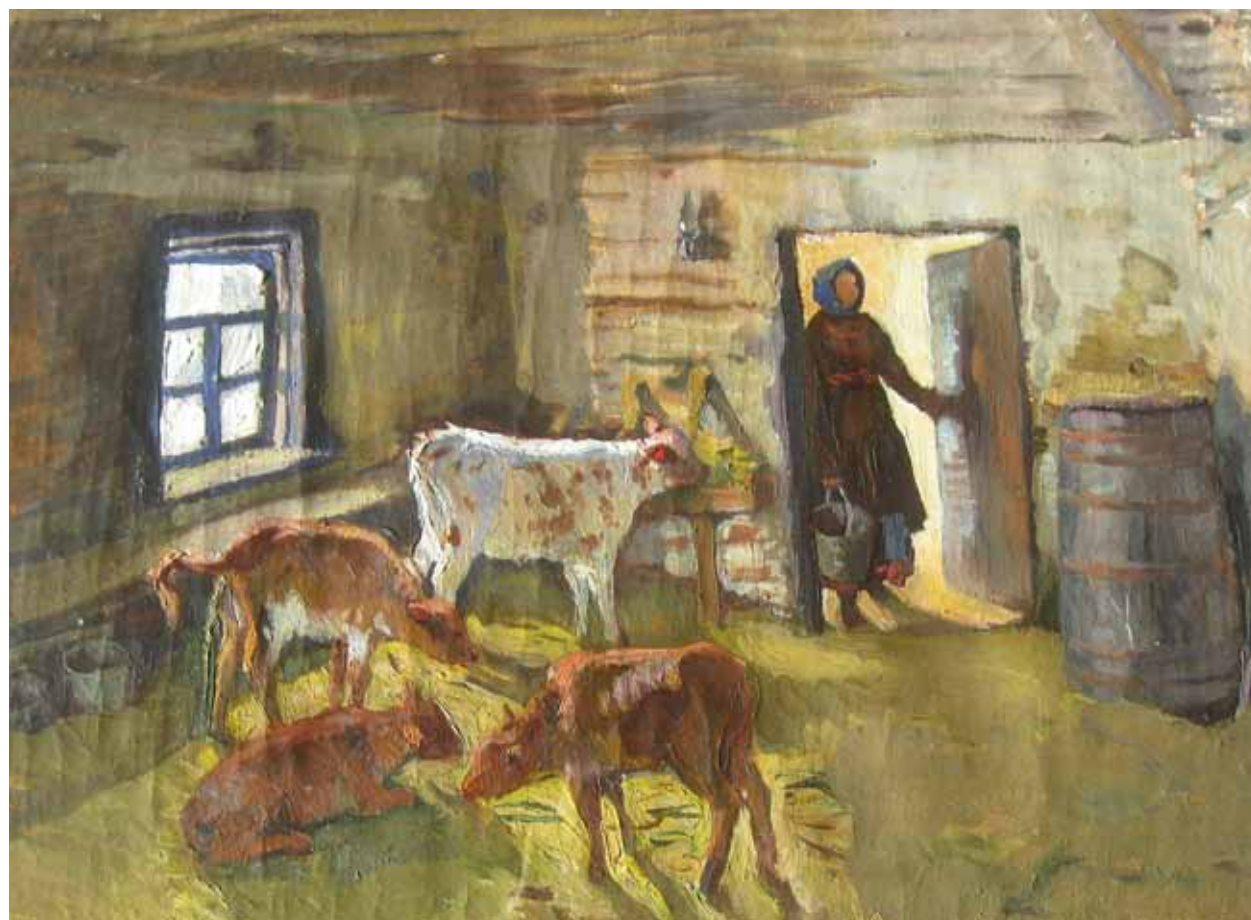
В годы революции дом и мастерская художницы в Нескучном были сожжены крестьянами из соседних сел. Во время Великой Отечественной войны оккупанты разрушили фамильную церковь Лансере. Не сохранились могилы отца художницы и ее родных. Только пейзажи Зинаиды Евгеньевны и семейные фотографии дают представление о том, как выглядело когда-то Нескучное – обитель ее вдохновения и творчества.

А ведь в одном из писем к матери Зинаида писала: «Как здесь прекрасно, как хорошо. Вчера мы сорвали первые цветущие ветки вишни и черемухи, а вскоре весь сад будет белый и душистый, все луга усыпаны цветами. Вечерами мы ходим в сад слушать соловьев...»⁶.

Сейчас рядом с Нескучным, в селе Веселое, в обычной школе есть комната, в которой собраны разнообразные фотографии, статьи о художнице и роде Лансере.

Д.В. Зеленков. Воспоминание о Нескучном. 1922. Бумага, акварель. 14x21. Архив семьи Зеленковых. Санкт-Петербург

З.Е. Серебрякова. Телятник. Нескучное. Бумага, гуашь. 22,5x30. Архив семьи Зеленковых. Санкт-Петербург

Но ни это собрание, ни сама местность, где прошли лучшие годы жизни Серебряковой и ее многочисленных родственников и друзей, не привлекают туристов и путешественников. Лишь отдельные энтузиасты решаются приехать сюда летом, и только степной ковыль да деревца, кое-где сохранившиеся, напоминают о некогда красивой, мирной и уютной жизни, существовавшей когда-то.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1990. Т. 1. С. 83.
- ² Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице. М.: Изобразительное искусство, 1987. С. 53.
- ³ Владимир Александрович Зеленков (1881–1942), инженер-светотехник, изобретатель, муж Екатерины Евгеньевны Лансере – сестры З.Е. Серебряковой.
- ⁴ Зинаида Серебрякова. Указ. изд. С. 45.
- ⁵ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 442.
- ⁶ Князева В.П. Указ соч. С. 42.

Ключевые слова: «У времени в плену», З.Е. Серебрякова, Е.Е. Зеленкова, мир семьи, Нескучное.